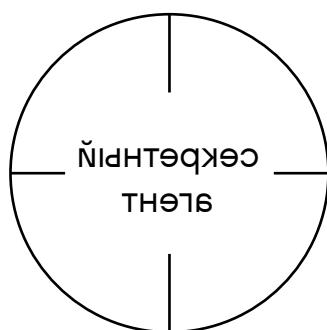

СЕРГЕЙ
КОСТИН
ПАКО
АРРАЙЯ
U.S.

Москва, 2027

альпина
ПРОЗА

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2=411.2)6-44
К72

Редактор Лев Данилкин

Костин С.

К72 Пако Аррайя. U.S. : [роман] / Сергей Костин. — М. : Альпина нон-фикшн, 2027. — 460 с. — (Серия «Секретный агент»).

ISBN 978-5-00223-712-8

Пако Аррайя — преуспевающий владелец американского туристического агентства, счастливый муж и отец. Но это всего лишь прикрытие: на самом деле он бывший советский нелегал, внедренный в США под видом кубинского диссидента. Когда на него неожиданно выходят люди из ЦРУ, Пако возвращается на Кубу и попадает в опасную игру, где друзья, враги и предатели меняются местами. Новый роман Сергея Костина — история о памяти, дружбе, цене идеализма и праве выйти из игры.

Восьмая, заключительная книга о Пако Аррайе из серии «Секретный агент».

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-667-1
(Серия «Секретный агент»)
ISBN 978-5-00223-712-8

© С. Костин, 2027
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2027

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НЬЮ-ЙОРК,
ОКТАБРЬ – НОЯБРЬ
2012 ГОДА

Первый тревожный сигнал пришел от Драгана. В двух словах о нем сказать не получится, придется в трех.

Драган Чурчич — боснийский серб. Мы познакомились с ним осенью 1994 года в Боснии, во время гражданской войны в Югославии. Драгану тогда было лет тридцать пять, но выглядел он старше. Высокий, прекрасно сложенный, с мужественным, по-настоящему красивым лицом под шапкой темных курчавых волос. Еще он хорошо пел. Еще у него боснийские мусульмане убили мать и двоих братьев-мальчишек, поэтому воевал он люто. Однако Господь его берег — я и раньше замечал, что Он любит сорвиголов, перемещающихся по самому краю. Еще Драган спас мне жизнь, поставив на кон свою. Но и я потом вырвал его из лап смерти, хотя и не рисковал жизнью. Такую я тогда совершил прогулку.

Когда война закончилась, мой спаситель оказался не у дел. Семьи у Драгана не осталось, желанием общаться с боевыми товарищами он не горел — он хотел забыть. В Республике Сербской, созданной в восточной части Боснии и Герцеговины, он жить не мог — из-за по-прежнему открытой раны воспоминаний. В самой Сербии места себе не нашел. Поболтавшись год на птичьих правах — не дома и не в гостях, — Драган

решил, что жизнь нужно менять радикально или пошла она к такой-то матери, такая жизнь.

Он разыскал нашего человека в белградском посольстве, тот связался с Конторой, а Эсквайр, он же Бородавочник, имел неосторожность сообщить мне об этом — я как раз в то время был в Москве. Я говорю «имел неосторожность», потому что убедить меня забыть Югославию и всех, кто там жил и живет, у Бородавочника не получилось. Несмотря на формальный и строжайший запрет моего, в сущности, начальника, через месяц я окольными путями, то есть не светясь, помог Драгану приехать в Штаты. Потом, по-прежнему оставаясь в тени, устроил его вчерную, иначе говоря нелегально, охранником в тогда весьма неблагополучный многоквартирный дом, где мы живем. Потом нанял адвоката, и тот, умело действуя на узкой кривой меже на стыке юридических установлений, выправил Драгану — за щедрое вознаграждение — грин-карту, дающую возможность официально жить и работать в Америке.

И вот уже много лет Драган — полноправный и законопослушный гражданин Соединенных Штатов. Теперь уже он сам использует обретенный статус, чтобы перетягивать на эту землю обетованную своих близких друзей. И в нашем человеческом муравейнике, бывшем отеле, где живет пара сотен семейств, круглосуточное дежурство на входе бдительно несут строго одетые мужчины с фамилиями, оканчивающимися в основном на «ич». Их достоинства — неукоснительность и непреклонность — постепенно оценили и жители соседних многоэтажек, так что сербская диаспора в районе 80-х Восточных улиц Манхэттена неуклонно разрастается.

Драган сидит у нас на входе день или ночь, а потом пару дней отдыхает. То есть, правильнее сказать,

занимается другими делами. Он по образованию инженер в какой-то неведомой для меня области типа теплотехники или водоподготовки, но руки у него приспособлены для манипуляций с любыми техническими устройствами. И он, по просьбе жильцов, в свободное время ходит по квартирам нашего дома, чтобы где-то починить проводку, где-то собрать шкаф, а то и переложить плитку в ванной.

Что для меня очень удобно — Драган много лет является моим связником. Это лишь поначалу Бородавочник неистовствовал из-за нарушения самых элементарных правил конспирации. Потом он поутих, а в один из моих приездов в Москву как-то даже пробурчал: «Кому придет в голову, что нелегал и связник в открытую видятся чуть ли не каждый день?» В последние годы, правда, большинство рисков и забот по связи были доверены интернету, но Драган все равно продолжает считаться доверенным лицом Конторы. Может, он еще какие-то поручения для нее выполняет, я не интересовался.

Так вот Драган. Дело было во второй половине октября. Он остановил меня, когда я заскочил домой пообедать. Он в тот день не дежурил — стоял внизу, болтал со своим земляком, поигрывая, как тамбурмажор жезлом, длиннющим водопроводным ключом. Обниматься мы не стали — и видимся часто, и о том, что все мои братья-сербы в Штаты приехали в конечном счете благодаря мне, знает только Драган.

— Я вас жду, — деловито выпрямился он. — Что там у вас потекло?

У нас с кранами все было в порядке, но раз он говорит, что потекло, значит, потекло. И вправду потекло.

Джессика была в своем издательстве, Бобби — в колледже. Мы зашли в ванную, и Драган включил

воду, чтобы разговор невозможно было подслушать. Мы присели на край ванны — так мы получились почти одного роста, стоя-то он на голову меня выше.

— Ну, привет! — перешел на русский Драган и насупил брови. Они у моего друга густые, черные, почти спросшиеся на переносице. У него бывает устрашающий вид, только для этого он и смотреть должен соответствующе. Сейчас же его взгляд казался просто встревоженным.

— Привет, дружище! — отозвался я.

Внизу мы поздоровались по-английски как охранник с жильцом — доброжелательно, что в Штатах в порядке вещей, но, в сущности, формально. Теперь мы приветствовали друг друга уже как боевые товарищи, объединенные пережитыми некогда смертельными опасностями и нынешней тайной работой на Контору. К тому же в жилах Драгана текла часть моей крови, но это отдельная долгая история.

— Может, ерунда, но вроде нет. Думай сам, — начал Драган. У него отличный русский — он Воронежский политех оканчивал.

— Выкладывай.

— Позавчера днем я дежурил. Заходит мужик. Белый, средних лет. С виду — из тех, кто пытается флаеры или каталоги раскидать по почтовым ящикам. Я таких, сам знаешь...

Я с одобрением кивнул. Драган — первый мужчина, взявшийся навести порядок в доме, где одну нашу соседку в лабиринте коридоров изнасиловали среди бела дня, — сам выработал драконовские правила, которые свободолобивые американские жильцы с энтузиазмом приветствовали.

— Я его, как полагается, спрашиваю, к кому он направляется. Мужик говорит, что он — курьер из интернет-

магазина, доставляет заказанные DVD. «В какую квартиру?» — спрашиваю. Он чуть замешкался и говорит: «В сорок пятую». Отлично: в сорок пятую, так в сорок пятую. Звоню туда. Дома никого. Тот говорит: «Наверно я ошибся». Лезет в сумку, даже показывает мне край упаковки — мол, вон диски, говорю ж тебе, я по делу. «А, точно, мне в сорок шестую квартиру». Мне вся эта история уже не нравится, но я виду не показываю. Звоню в сорок шестую. Там пожилая пара живет из Оклахомы, сын им квартиру снимает. Как их там?

Драган искал у меня поддержки, не нашел — я со всеми в нашей Вавилонской башне только раскладываюсь, знакомств не завожу — и продолжал:

— Короче, старики дома, но никаких дисков не выписывали. «Они что-то путают, — тот мужик говорит, напористо так. — Я поднимусь, выясню». Я говорю: «Нет. Вы можете войти в здание, только если вас там кто-то хочет видеть». Он подергался, повозмущался, но потом сдался. «А может, — говорит, — я и дом перепутал? Смотри-ка, точно! Мне же в соседний дом».

Драган выпрямился с недовольной гримасой и потягиванием, и я с радостью последовал его примеру. Край ванны кажется круглым, но сидеть на нем, как на жердочке, жестковато.

— Квартирный вор. Или наводчик, — высказал предположение я, отгоняя демонов.

— Подожди, брат. Как только он скрылся, я вышел на улицу посмотреть. Он не в соседний дом направился, сразу уехал. И курьер этот ездит не на мопеде, а на большом черном «меркьюри» с водителем.

— Что не исключает вариант воров, — проявил упорство я. Но сигнальная лампочка внутри меня уже замигала.

— Подожди, слушай дальше, — продолжал неуступчивый серб. — Вчера я отоспался и пришел перестелить ковровин в пятьдесят третьей квартире. Стою на вахте, болтаю с Иосифом, он как раз дежурил. Ну, знаешь: одно ухо нормальное, а другое — как радар? — Я кивнул, хотя и не знал. — Заходят двое. Один — белый, второй — мексиканец, в синих комбинезонах и с заполненным нарядом. Говорят, они — работники телефонной компании, пришли проверить линию на двенадцатом этаже.

— Ага! — отреагировал я. На двенадцатом мы живем.

— Если бы не было того мужика с дисками, я, может, и не стал бы вмешиваться. А тут взял их наряд, посмотрел — вроде все в норме, Иосиф-то их точно бы пропустил. Говорю: «Хорошо, только я с вами пойду». Они тоже стали возмущаться: кто тут, мол, такой вмешивается? Иосиф им объяснил, что я — главный и что, если их это не устраивает, мы вызовем полицию. В итоге мы с телефонистами поднялись на твой этаж, они открыли щиток, но, по-моему, и делать-то ничего не стали. Для виду подключили свой тестер, что-то там замерили и говорят: «Все в порядке, спасибо». Но очень были недовольны, очень. Хотя с чего бы им быть недовольными, если все в порядке?

Действительно, с чего бы? Нет, это и вправду было похоже скорее на наши игры.

— Я всех своих предупредил, — успокаивающе произнес Драган. — Ну, что в районе, возможно, действует шайка квартирных воров. В полицию без моего разрешения с подозрениями не обращаться, но бдительность утроить. Черный ход закрыл кроме ключа еще и на засов, снаружи его уже не открыть. Так что

в здание посторонние не попадут. Но боюсь, все это не просто так.

М-да. Зачем кому-то мог понадобиться наш городской телефон? Мы им почти и не пользуемся — у всех сотовые. Кстати, от него вполне уже можно было бы и отказаться, только зря платим за обслуживание каждый месяц. Мобильники прослушивать никакого труда не составляет. А к нашей домашней линии можно подсоединиться и на телефонной станции. Только вот что: даже если мною занялись спецслужбы, для этого нужно постановление судьи. А на его получение требуются основания, ну и, возможно, всю эту операцию — если речь идет о наблюдении за мной — светить не хотят. Попробовали сначала решить вопрос малой кровью: что-то перекоммутировать в щитке на этаже или какой-нибудь чип поставить. Зачем это делать, если мы городским телефоном практически не пользуемся? А затем, что благодаря ему можно всю квартиру прослушивать. Сейчас же в технике чуть ли не каждый день — революция. Вполне допустимо, что теперь отдельные жучки уже и не надо ставить.

— Что скажешь? — спросил Драган, снова с недовольной гримасой присаживаясь на край ванны.

Что я мог сказать?

— Спасибо, брат.

Прошла пара-тройка дней. Мы с Джессикой съездили на уик-энд в Массачусетс к Пэгги, ее матери и моей второй любимой женщине. Точно, это было в понедельник. Где-то около часа я с большим пакетом из китайского рестораника на Лексингтон-авеню поднялся к нам с Элис в офис.

Моя бывшая помощница — и уже довольно давно младший партнер — все еще восхитительна. Хотя сколько ей? — уже хорошо за сорок. Но! Кожа цвета молочного шоколада по-прежнему свежа и упруга, не растрескивается морщинками у рта и не обвисает предательскими складками на шее. Здоровый образ жизни, занятия спортом и уход за лицом — все, за чем я сам не слежу. Глаза смотрят на мир иронично, губы растянуты в полуулыбке, и с них в любой момент может слететь какая-нибудь тонкая, но скорее необидная колкость. Тело тоже остается стройным и гибким, хотя Элис, нагоняя упущенное время, родила одну за другой двух очаровательных курчавых девчушек. Да-да, Элис вышла замуж. Это снизило электрическое напряжение, возникшее между нами с момента ее появления в моей жизни, хотя и не устранило его полностью. С мужем Элис Шандором, сыном эмигрантов из Венгрии, бежавших на Запад в 1956 году, мы тесно не сошлись. Но речь не о нем.

Я поцеловал Элис в щеку — она воспроизвела тот же звук в пустоту — и выложил на стол с кофемашиной свертки из большого пакета. Мы с ней часто перекусываем там за желто-серой китайской ширмой с черными стволами бамбука. Я сам ее купил — люблю этот символ уступчивой стойкости. Наше туристическое агентство Departures Unlimited, хотя и с миллионным оборотом, помещается все в той же большой комнате, разделенной на три части перегородками, в здании на углу 83-й улицы и Лексингтон-авеню. Я и в принципе не стремлюсь менять обустроенную однажды жизнь, а в офис агентства почти никто не заходит. Наша клиентура — очень, очень обеспеченные люди, понятия не имеющие, сколько стоит хлеб (хотя я тоже не знаю), и перемещающиеся лишь между своими кабинетами в пол-этажа и пентхаусами, из которых видна статуя Свободы или взлетающие вдали самолеты в одном из трех нью-йоркских аэропортов. Не говоря уже о виллах, ранчо и поместьях по всему Атлантическому (и не только) побережью. Все прочее, чего в этих местах нет, им приносят. В том числе предложения относительно возможных эксклюзивных индивидуальных туров.

Элис, порывшись, вытащила из пакетиков заказанную ею утку по-пекински и пророщенную сою в остром соусе. Она сама вызывалась выйти купить нам еды, но мне-то по пути. Я уселся напротив, с хрустом разломил вырезанные из одного куска дерева палочки и завис с ними над плоской с ломтиками копченого осьминога.

— Ну, что плохого? — задал я традиционный вопрос.

Вопросу этому уже двадцать лет, и Элис он давно не забавляет.

— Знаешь, была одна странность, — вдруг серьезно ответила она. — Даже две.

Две странности за один пропущенный мною рабочий день — это многовато. Тем более после того, что рассказал мне Драган. У него, кстати, ведь тоже их было две — странности.

— К нам зашел снежный человек? — шутливо предположил я, хотя в голове мелькнуло: то, что я сейчас услышу, вряд ли меня повеселит.

— Нет, сначала был киллер. Ну, человек, который травит насекомых. — Ассоциативно Элис присмотрелась к вызвавшему ее подозрения короткому и кривому ростку сои, убедилась, что это не гусеница или ножка какой-нибудь гигантской цикады, и отправила его в рот. — Он решил, что пришел к ветеринарам, и я не стала сразу его разочаровывать.

Ветеринарная клиника, уже существовавшая, когда мы с Джессикой сняли это помещение, располагается под нами, на этаже, который с одинаковым успехом можно назвать первым, цокольным или полуподвальным. У клиники свой вход, а к нам на второй этаж с тротуара ведет индивидуальная, старомодно-английская чугунная лестница. Люди иногда путают — забредают к нам со своими кошками в переносных конурках и упирающимися левретками на поводке.

— Ты слушаешь? Киллер с порога сказал, что его средство абсолютно безвредно для людей и домашних животных, тем более для растений, — продолжала Элис. — В общем, я решила, что он перепутал нас с клиникой. А он так спешил, так тараторил. Пожилой дядечка, интеллигентный, совсем не похож на человека, который занимается этим всю свою жизнь по призванию. — Элис на миг потупила взгляд и тут же снова

вся засветилась. — Мне почему-то захотелось его немножко помучить.

И расхохоталась.

— Ты попросила его продемонстрировать это средство на себе? Например, прыснуть им себе в рот?

— Нет. Но я очень строго сказала, что у нас же здесь не только кошки и собаки. Нам приносят и богомолов, и мангровых мадагаскарских тараканов.

— А такие существуют? — ахнул я.

— Возможно. Я импровизировала.

Мы рассмеялись, глядя друг на друга. У Элис из глаз не просто льется ровный свет — это-то всегда, — но еще время от времени проскакивают озорные искорки. Она постоянно кого-то подкалывает; последние лет десять, с тех пор как мы партнеры, чаще всего меня.

— Ну хорошо, ошибся человек, — по-прежнему цеплялся я за какой-либо безобидный вариант. — Что же тут странного?

— Странно то, что, когда я закрывала офис, снизу выходила Джейн.

— Джейн?

— Медсестра из клиники. Ну та, в розовой куртке, розовых колготках, розовых кроссовках и телефон у нее в чехле в виде мохнатого розового зайчика.

— А-а.

Хотя про телефон я не знал.

— Так вот, я спросила, нашел ли их, наконец, тараканий киллер. — Элис вдруг снова подняла на меня глаза: серьезный взгляд. — Ты ничего не натворил?

Я понял:

— Он к ним не заходил.

— Нет.

Хм. После рассказа Драгана это меня уже не удивило. Плохо, что теперь Элис подозревает неладное. А она на пустой крючок не клюнет, для нее нужно будет что-либо правдоподобное изобрести.

— Пако?

— Я думаю. Ну а вторая странность?

Элис доела свою еду, оправдывая данное ей мною прозвище — Акула. Потом присмотрелась к моим тарелкам и выхватила оттуда палочками кусочек острого баклажана. Мы с ней с течением времени стали совсем на короткой ноге. Я пододвинул овощи к ней поближе.

— Спасибо. А в субботу я сюда заскочила утром.

Я даже сделал вид, что откладываю палочки:

— Ты сейчас потребуешь прибавки к жалованью?

Мы по выходным не работаем. Мы и в будни-то могли бы заниматься делами каждый у себя дома, только в Америке без стационарного телефона и адреса на бланке бизнес вести невозможно. Да и ни Элис, ни я не хотим проводить дни напролет в пижаме и домашних тапочках. Но она даже не улыбнулась.

— Нет, я просто забыла здесь раскраски. Я купила девочкам раскраски — не дурацкие, когда ты водишь пальцем по айпаду, а настоящие, как в моем детстве. Так вот, я уже сказала им, что купила, а сама, пустая башка, оставила раскраски здесь. И мы заехали с Шандором.

— Я же просил тебя никогда не говорить со мной о неприятном.

Теперь Элис перестала есть и бросила на меня притворно возмущенный взгляд.

— Ты выбрала себе идеального мужчину, — поспешно поправился я.

Элис покачала головой. Да нет, я к Шандору нормально отношусь. Мы с ним перешучиваемся, когда он время от времени заезжает за своей женой. Он, возможно, действительно неплохой парень, только зря он выбрал женщину, которую — хотя я этим так и не воспользовался — я привык считать своей.

— Пако, я говорю тебе о вещах, которые вызывают у меня беспокойство.

— Ну-ну, я слушаю.

— Это было в самом начале десятого. В субботу! А на нашей площадке стоял парень и дергал дверь.

— И что? Увидев тебя, он прыгнул вниз со второго этажа и убежал?

— Нет, хотя этот бы мог. Молодой, лет двадцати трех — двадцати пяти. Спортивного вида, в кроссовках и бейсболке New York Mets. Я спросила, что он здесь делает. А он сказал, что хочет купить тур в Доминикану. Как тебе?

Наше агентство не работает с людьми с улицы: его клиентами становятся только одним путем. Магнаты и плебои — те, кто *зарабатывают* большие деньги, и те, чье исключительное призвание — *большие деньги тратить*, — передают нас с рук на руки своим друзьям, таким же магнатам и плебоям. Заказов нам хватает.

— Надо было спросить, откуда он узнал о нашем агентстве, — пожал плечами я. — Он вряд ли шел себе по улице, задрал голову на уровень второго этажа, поднес к глазам лорнет и прочитал нашу малюсенькую табличку.

Элис приосанилась. Она часто считает, что я ее недооцениваю.

— Это первое, о чем я спросила, — строгим тоном продолжила она. — Парень замялся на секунду, а потом сказал, что прочел о нас объявление в газете.

Мы снова оторвались от своих плошек. Никогда, с момента создания Departures Unlimited, мы не давали о себе никакой рекламы.

— Ты уверен, что ничего не натворил? — тоном учительницы повторила Элис.

— А ты? Мы же оба здесь работаем.

— Моя жизнь как на ладони. Мне нечего скрывать.

— А мне, ты считаешь, есть?

Элис промолчала, соглашаясь с обоснованностью аргумента. Мы снова принялись ковырять в плошке с недоеденными баклажанами, только вкуса их я уже не чувствовал.

— Чернику ты доверяешь на сто процентов? — спросила Элис.

Пол Черник — это мой давний партнер и, можно сказать, друг. Сначала он просто страховал наших клиентов. Особенно когда к ценителям прекрасного и любителей истории добавились экстремалы, постоянно стремящиеся увеличить дозу адреналина и потенциальные расходы страховых компаний. Но вот уже много лет как он ведет и всю нашу бухгалтерию. Большинство преступлений, которые совершают в том числе внешне добропорядочные граждане Штатов, — налоговые, так что со стороны Элис подобный вопрос был вполне обоснован. Причем очень часто налогоплательщики и не подозревают, что нарушают закон, — за них это делают их бухгалтеры.

— Нет, — я с ходу отверг бредовую идею. — Ты что? Пол?

— Тогда что?

Я уперся в Элис взглядом.

— А почему ты смотришь на меня? — возмутился я. — В твоей жизни полиция не может захотеть порыться? Она же, бывает, и ошибается. Например, Шандора твоего какие-то венгерские дела не могли догнать?

— Шандор родился в Бруклине, — напомнила Элис. И, поколебавшись, добавила: — А вот ты в Гаване.

Да, такова ведь версия моей жизни — не только для Элис, практически для всех. Я по легенде — кубинский диссидент. Студент, арестованный за антикастровские выступления и выпущенный из тюрьмы, когда в 1980 году Фидель разрешил уехать с Кубы всем, кто не хотел строить социализм. Именно таким образом меня внедрили в Штаты хитроумные головы из Конторы.

Я решил посопротивляться, чтобы Элис окончательно уверилась в том, что кубинская версия исходит от нее.

— Да, в Гаване — ну и? Тридцать лет спустя у кого-то мое происхождение вызвало подозрения?

— Может, братья Кастро взялись за внешних врагов? — предположила Элис. — Вспомнили о таких, как ты, потому что всех своих внутренних врагов они уже уничтожили?

— Их, наверное, столько, что в новостях была бы уже целая буря, — пошутил я, хотя сам в это не верю. — Да и я уже давно им не враг, а про Кубу вспоминаю два раза в году. А что, тот парень в бейсболке — из латиносов?

— Нет, белоснежный. Как борода Санта-Клауса.

— Вот видишь.

Элис высказала еще пару вялых предположений, но я в них даже не стал вникать. Я-то догадывался, почему вокруг меня вдруг стало крутиться столько людей. Только где же я прокололся?

Пол Черник позвонил сам. Про себя он говорит, что у него польские корни, но в действительности он толстенький, очкастенький, жизнерадостный и очень занятный и симпатичный еврей. Я познакомился с ним сто лет назад через его маму Голду, упокой наш общий Господь ее душу. Я люблю о ней вспоминать.

Миссис Черник пришла в наше агентство, когда его толком еще и не было — был лишь я, разъезжающий в кресле на колесиках по пустому офису. Она непременно хотела меня застраховать. Не меня, так мою жену. Не жену, так несуществующего тогда ребенка. Нет? Тогда квартиру? А, вы ее снимаете. Так, может, сделки? Я решил сохранить лицо, не раскрывая, что ни одна из них еще не была заключена.

Миссис Черник внешне выглядела так. Тучная, она ходила вразвалку, как утка. Ее отличали также обвислые щеки, внушающий уважение нос, волосатые руки и слегка гнусавый голос. Однако я редко встречал людей более непосредственных, обходительных и доброжелательных. В ее первый приход я вежливо отверг все ее предложения, объяснив, что страховать мне, в сущности, нечего, а сам я скоропостижно скончаться пока не предполагал. Все это я проделал за чаем, которым поил свою посетительницу — вероятно, как я тогда

считал, потому что она была первой и за долгое время единственной. Голда сразу распознала во мне, как она решила, родственную душу, то есть эмигранта, волею обстоятельств вынужденного жить в стране, где все устроено наперекосяк.

— Но что, есть еще страны, где все по-человечески? — сетовала она, посасывая кусок сахара: она пила чай вприкуску. — Мы жили в местечке под Гродно, хорошо жили, все вместе: евреи, поляки, белорусы, потом пришли русские. Потом началась война, и — кстати, чтобы вы про русских плохо не думали, — они нас первых эвакуировали. Они как-то знали, что немцы хотят евреев уничтожить. Они не имущество спасали, не станки всякие, не продовольствие — картофель там, капусту, свеклу, я знаю? Нет, они увезли людей. Так что вы можете говорить про русских что хотите, но у них есть сердце.

В подобные моменты, когда, по мнению миссис Черник, человечество проявляло свои лучшие качества, она всегда счастливо вздыхала. Голда потянулась за новым кусочком сахара и продолжала:

— Да, в Узбекистане было тяжело. Это в Советском Союзе, но в Азии, нас туда отправили. Врать не буду, там было тяжело. Но что, кому-то в войну было легко? И все равно наша семья выжила: и отец, и мать, и трое моих младших братьев — мне-то уже двадцать один год был. А все наши родственники и соседи, кто остались в Гродно, все погибли.

На данном этапе повествования — а я впоследствии слышал историю ее скитаний не один раз — Голда с силой зажмурилась, потом доставала из рукава блузки клетчатый платок, вытирала набежавшие на глаза слезы и с громким трубным звуком высмаркивалась. Затем,

убедившись, что я тоже тронут ее воспоминаниями, продолжала.

— Да-а. Сестра отца только спаслась. Она была замужем за поляком, они оказались по ту сторону границы, в Белостоке. Русские сначала Белосток себе взяли, когда с немцами делили Польшу, а после войны отдали его назад полякам. И мы поехали туда к моей тете. Так знаете что? Поляки бросали камни в окна поезда, который вез нас домой. Вот мы и решили перебраться сюда. И что? Вы, наверно, не знаете, но еще лет десять назад в Нью-Йорке — в Нью-Йорке! Что уж тут говорить про этих фермеров с Запада или с Юга! — на входе в некоторые рестораны были таблички: «Негры и евреи не обслуживаются». Я сама их видела, своими собственными глазами!

Посетительница решила, что теперь пришел черед мне рассказать свою грустную историю изгнанника, и, сложив руки на животе, замолчала.

— А мне в Америке нравится, — честно и, наверно, немного неучтиво сказал я.

Я тогда был молодым и, найдя Джессику, снова ждал от жизни лучшего. Я тут же пожалел о своей не деликатности — ну что не поддержал критический настрой своей посетительницы. Но Голда вдруг расхохоталась и даже стукнула кулаком по столу в знак удовольствия:

— Вы как мой сын! Такой же неисправимый оптимист!

Через неделю она заглянула снова.

— Хорошо, что вы на месте, — радостно поприветствовала меня она, деловито раскрывая для просушки огромный зонт. Шел сильный дождь, и Голде пришлось его свернуть, чтобы пройти в дверь. — Я принесла нам пирожков. Вы любите с капустой?

Я был рад, когда она заходила. У меня никогда не было бабушки, а вокруг Голды всегда ощущался ореол любви и заботы — всего, чего хочется внукам. Ну разве что она не брала меня на колени. Она старалась ради своего сына, который недавно открыл страховую компанию и отчаянно искал, кому бы всучить полис. Совсем, как я: открыл турагентство и думал, кого бы заслать от нас куда подальше.

Но чай и кофе у нас в офисе всегда были.

— Конечно, Потифар... — при упоминании сына Голда возводила очи горе, как бы препоручая его защиту небу. — Это мой мальчик. Здесь-то он Пол, но я захотела назвать его Потифар, как моего деда. Так вот, Потифар против того, чтобы я работала. Но что, мать может бросить сына, когда он в ней нуждается? Я сказала: «Пока ноги меня несут, я буду искать тебе клиентов. Не с утра до ночи, это нет. Но каждый день буду обходить три квартала». Хорошо, что здесь есть куда зайти, попить чайку и передохнуть. — Это она уже наш офис имела в виду. — Да ты ешь, бери вон еще ватрушку.

Голда ни разу больше не попыталась продать мне полис. Она даже удивилась, когда я выразил намерение застраховать своих первых клиентов, отправляющихся через наше агентство, как сейчас помню, в Бельгию, вернее, во Фландрию. Вот тогда и появился Пол-Потифар.

Он оказался полной противоположностью своей матери. В том смысле, что Америка представлялась ему таким игровым автоматом, куда достаточно бросить четвертак, чтобы на тебя непременно со звоном обрушился золотой дождь. Однако время ожидания затягивалось, и американский дядюшка — двоюродный брат

Голды — пригрозил прекратить оплачивать текущие расходы компании своего племянника, если тот не заключит к концу месяца четыре страховых полиса, по одному в неделю. Я обеспечил ему тогда целых три, что спасло положение. Сейчас, я уже говорил, наше агентство все больше занимается экстремальным туризмом: от путешествий на катерах от истока до устья Амазонки до — в скором времени, я надеюсь, — орбитальных полетов. Так что полисы наших клиентов, которые автоматически становятся клиентами Пола, составляют в его компании довольно объемистый портфель.

На нашу встречу после всех этих тревожных новостей от Драгана и Элис Пол пришел как раз со своим вечным потертым кожаным портфелем. Хотя я всего-то хотел пообедать с ним в итальянском ресторанчике на 73-й улице.

— Пако, ты знаешь, как строго я веду дела, — с места в карьер начал он. — Тем более твои дела. Мы с тобой вместе уже не помню сколько лет. У нас дети успели вырасти. И мама моя не преминула благословить тебя на смертном одре. Я принес с собой все твои документы. Компьютер компьютером, кто же против? Но у меня все на реальном носителе. Бумага же не боится вирусов.

Пол отставил подальше специи и оливковое масло и принялся было выгружать на стол какие-то распечатки гармошкой.

— Слушай, убери свои свитки, — попросил я. — Не собираюсь я ничего проверять. Я, если честно, и годовые твои отчеты просматриваю в полглаза — бухгалтерией Элис занимается.

— А как иначе ты можешь убедиться? У меня ни к чему невозможно придираться. Ни к одной цифре.

Пусть налоговая полиция твою бухгалтерию перелопачивает как хочет. Хоть за десять лет, хоть за двадцать. Ничего они не найдут. Там нечего искать.

Это обычная манера говорить Пола. Короткие фразы, каждая из которых сопровождается в паузе выразительным подниманием бровей. Иногда однократным, а то и двух-трехкратным. Мол: «Это же очевидно!» Или: «Каково?»

— Подожди, подожди, Пол. Я ни о чем не беспокоюсь. А тебе-то что переживать?

— У меня бывали проверки, — не успокаивался он. — Как у всех, кто имеет дело с деньгами. Но чтобы так!

— Как так?

Пол пригубил вино, которое нам успели принести. Домашнее красное, но легкое, в глиняном кувшинчике. Оценил, допил бокал до дна и налил себе снова.

— Неплохо, неплохо. Значит, вот, — вернулся он к предмету своего возмущения. — Они должны были прийти ко мне с официальным письмом. Есть же вещи конфиденциальные. Тогда я имею право игнорировать их запросы. Пока они не придут с постановлением суда. Однако по налогам я обязан предоставить информацию. Что я и сделал. Обычная процедура. Я даже не стал тебе звонить.

— Ну, хорошо. Что дальше?

Пол снова отпил вина и щелкнул языком в знак одобрения. Я поддержал его.

— Они изучали документы, — продолжил он. — Два дня. Потом поблагодарили меня за сотрудничество и ушли. Они за дверь — ко мне приходит мой сотрудник. Я собирался его увольнять. Работник он никакой — я левой ногой больше делаю, чем он обеими руками. Про голову не говорим. Топчется передо мной:

«Я должен вам сказать». — «Говори». — «Те люди меня расспрашивали». — «О чем?» — «Как давно вы знакомы с Пако Аррайей? Какие у вас с ним отношения? И не могут ли у вас с ним быть отношения, которые в официальных бумагах не отражены?»

Тут Пол надолго застыл с поднятыми бровями и даже выразил господствующую эмоцию вербально:

— Каково?

— Ты же в бумагах никогда не ошибаешься. Я-то за тобой подписываю не глядя.

— У меня старший бухгалтер все проверяет. За каждым сотрудником. Работник может ошибиться. Имеет право. Как всякий человек. Но если проглядит старший бухгалтер, я его уволю. И он это знает. А раз так получилось, я вчера сам все просмотрел. До двух ночи сидел. Там все в порядке.

— Вот. И налоговая полиция убедилась, что документы в порядке. Тогда зачем ты притащился с портфелем?

Это я Пола успокаивал и немного даже разыгрывал спектакль. Сам-то я давно понял, что к чему.

Пол энергично пожал плечами и теперь уже нетерпеливо посмотрел в сторону кухни — где там его ланч?

— Не знаю. Чтобы ты тоже в этом убедился.

— Ну вот теперь мы оба знаем, что мы чисты. Тогда что нам волноваться-то?

Это я опять же Полу сказал. Ему-то, действительно, опасаться нечего. Но и у меня в денежных и юридических делах комар носа не подточит. При моем побочном — или основном, как посмотреть, — занятии я за всю свою жизнь в Штатах ни одного штрафа за неправильную парковку не получил. Меня, вон, весной

внесли в список людей, из которых набирают присяжных заседателей — настолько я чист перед законом.

— Даже не знаю, что мне с тем неумехой делать? Ну, кто сообщил про выуживание информации, — продолжил Пол, следуя за мыслью, свернувшей в новое русло. — Не увольнять же его теперь? Раз он оказался таким, — Пол поискал слово, — суперлояльным. Ему же запретили мне об этом говорить. Обо всех их расспросах. Как считаешь?

— Я считаю, в ситуации сложного морального выбора твой нерадивый работник принял очень правильное решение.

— Как думаешь, наши телефоны могли поставить на прослушку? — одним прыжком вернулась к теме мысль Пола.

— Если ты делаешь ставки в подпольном тотализаторе или заказываешь траву, то сейчас с этим лучше повременить, — посоветовал я. — По крайней мере, по телефону.

— Может, они вообще не под тебя копают? Под меня? — предположил Пол, засовывая свои бумаги в портфель.

— Тогда бы они пришли ко мне. И ты бы тоже узнал об этом первым.

Я не фанат конспирации и дисциплины. Более того, зачастую я действую с беспечностью, какую могут позволить себе только добропорядочные граждане. Такие, для кого самое крупное правонарушение — переход улицы в неположенном месте. На мой взгляд, самая лучшая маскировка — легкие отклонения от правил. Как мне сказал однажды в Коннектикуте полицейский, остановившийся на автостраде, чтобы помочь мне поменять колесо: «На участке с ограничением скорости, скажем, в сорок пять миль в час, можно смело останавливать любую машину, которая едет точно с такой скоростью. Ну, если это не близорукая домохозяйка, забравшая ребенка из школы. В других случаях водитель либо выпил, либо везет наркоту, либо там еще какой-то криминал. Но закон останавливать автомобилистов, едущих по правилам, не позволяет. Я могу, напротив, тормознуть водителя, если он выжимает шестьдесят пять и больше. Только это бессмысленно — он будет чист».

В том, что я оказался под колпаком, сомнений не было. Кто-то просвечивал всю мою жизнь. Не исключено, что разные люди расспрашивали наших ближайших соседей по дому, работников той же ветеринарной клиники, наших постоянных клиентов, моего банковского консультанта... Не самый ближний круг — не тех,